

Къ смерти священника о. Ильи Космича Лагова.

30-го августа въ 11 ч. 30 м. ночи въ Бозѣ почилъ 64 лѣтній старецъ, заштатный священникъ села Знаменскаго, Егорьевскаго уѣзда, Илья Космичъ Лаговъ. Покойный, по окончаніи курса въ Рязанской духовной семинаріи, поступилъ во священника въ с. Знаменское Егор. у. и около 40 лѣтъ скромно подвизался на нивѣ Христовой въ одномъ и томъ же приходѣ, пока прошлымъ годомъ не вышелъ за штатъ. Это былъ человекъ глубоко вѣрующій и безусловно покорный волѣ Божіей. „Видно, такъ Богу угодно“, всегда говорилъ покойный, что бы съ нимъ ни случилось. Этимъ объясняется то поразительное терпѣніе, какимъ обладалъ умершій. Онъ не терялся даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, какія выпадали на его долю (въ особенности при смерти жены, оставившей ему восемь человекъ дѣтей, изъ которыхъ только одинъ старшій въ то время кончилъ духовную семинарію). Онъ никогда не ропталъ на Бога, а всю скорбь свою изливалъ въ молитвѣ къ Нему о помощи. „Возврази на Господа печаль твою и Той тя препитааетъ“, успокоивалъ себя и другихъ умершій и, дѣйствительно, въ молитвѣ къ Богу онъ находилъ отраду и утѣшеніе. Это можно было видѣть по тому сіяющему лицу и бодрому настроенію души, которое не покидало его въ години самыхъ страшныхъ несчастій. Другою, достойною подражанія, чертою характера о. Ильи было его величайшее смиреніе. „Гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“, неоднократно говорилъ онъ. Покойный ни предъ кѣмъ не превозносился, считая себя ниже всѣхъ, любилъ говорить не о достоинствахъ и добродѣтеляхъ своихъ, а о недостаткахъ и порокахъ. Бѣднякъ и преступникъ были для него тѣже братья о Христвѣ, что и богачъ и человекъ высокой жизни. По своему смиренію онъ спокойно относился къ поклонамъ и похваламъ, какіе получалъ, а по своему незлобію прощалъ всѣмъ и все, кто бы и чѣмъ бы ни оскорбилъ его. Что бы ни говорили, что бы ни дѣлали ему плохого—на все у него былъ одинъ отвѣтъ: „Богъ

съ нимъ“. „Какъ буду приступать я къ св. Тайнамъ, когда имѣю въ сердцѣ зло на другого? Богъ развѣ приметъ мою жертву?“ говорилъ покойный. Но что особенно высокаго въ батюшкѣ о. Ильѣ—это его постоянное размышленіе и забота о спасеніи, а отсюда всегдашнее молитвенное настроеніе и равнодушіе къ благамъ міра сего. Слово: „Богъ“, не сходило съ его устъ. Онъ любилъ бесѣдовать о предметахъ божественныхъ и въ этихъ разговорахъ находилъ уладу среди горестей земныхъ. Его душа ничего такъ пламенно не желала, какъ спасенія ближнихъ и себя. Оглядываясь назадъ, разсматривая прошлое, онъ ясно сознавалъ ошибки и плакалъ о прегрѣшеніяхъ. Его часто можно было видѣть съ псалтирю въ рукахъ и слезами на глазахъ. Это онъ провѣрялъ свою жизнь и умолялъ Бога о помилованіи. Слово Божіе, житія святыхъ, отеческія творенія были его постояннымъ и любимымъ чтеніемъ. Въ нихъ онъ черпалъ познанія, ими назидался, чрезъ нихъ восходилъ душою къ небу и отдыхалъ отъ житейской суеты. Заботы и печали міра сего были ему не по душѣ. Занятый „единымъ на потребу“, онъ не прилагалъ сердца къ богатству, о которомъ такъ много пекутся въ нашъ вѣкъ. „Сребролюбіе—матерь пороковъ“ говорилъ покойный словами Златоуста и всю жизнь служилъ другимъ—ближнимъ и дальнимъ, а умеръ всего съ 25 руб. Въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ о. Илья былъ любвеобильнѣйшимъ отцомъ. Онъ всѣмъ жертвовалъ для нихъ, не жалѣлъ ни здоровья, ни силъ, ни средствъ, какія были въ его распоряженіи или приходилось добывать. Помнится, какъ бывало батюшка осенью въ холодъ и слякоть идеть въ своемъ плохенькомъ, устѣянномъ множествомъ заплатъ, подрясникъ то къ одному, то къ другому крестьянину и умоляетъ ихъ Христомъ-Богомъ дать ему займы денегъ, потому что дѣти пишутъ и надо имъ послать. А сколько нравственныхъ мученій приходилось переживать и сколько нужно было мужества и терпѣнія для того, чтобы перенести оскорбленія и насмѣшки отъ такъ называемыхъ благодѣтелей, несправедливо считавшихъ его, бѣдняка, богачомъ, перенося на него мнѣніе многихъ о полахъ,

какъ безмѣрныхъ богачахъ. Ничто не останавливало его лишь бы дать дѣтямъ приличное образованіе. И слава Богу о. Илья троихъ вывелъ во священниковъ, одинъ теперъ діакономъ, еще въ псаломщикахъ, пятый сынъ учится въ духовной Академіи, послѣдній во второклассной школѣ, дочь выдана за священника. Онъ никому изъ дѣтей не отказывалъ въ необходимомъ. Эта естественная любовь отца къ дѣтямъ получаетъ высшій смыслъ и значеніе, когда обратимъ вниманіе на тотъ духъ, который воспитывалъ покойный въ нихъ. Не стѣняя ихъ въ выборѣ карьеры, онъ, однако, выражалъ свое искреннее и пламенное желаніе видѣть своихъ дѣтей священно-церковно-служителями и съ ранняго дѣтства природнялъ ихъ къ церкви, заставляя читать и пѣть на клиросѣ, прислуживать въ алтарѣ. Но этого мало. Главное въ томъ, что онъ старался воспитывать въ дѣтяхъ то молитвенное настроеніе, тотъ духъ, который необходимъ каждому христіанину, а пастырю церкви въ особенности, и при которомъ только и понятенъ смыслъ и значеніе богослуженія и старался воспитывать не столько убѣжденіями, сколько нагляднымъ и для дѣтей и для взрослыхъ примѣромъ своей истинно-христіанской ревности и высокой молитвенной настроенности. Видя своего отца колѣнопреклоненно и слезно молящагося, дѣти и сами невольно опускались на колѣна и усердно молились. Въ особенности трогательно было, когда батюшка о. Илья бывало читаетъ молитвы при пресѣщствленіи св. Даровъ. Онъ весь уходилъ въ содержаніе и смыслъ молитвъ и проливалъ цѣлые потоки слезъ о ниспосланіи благодати св. Духа. Эти впечатлѣнія, падая на свѣжія и воспріимчивыя дѣтскія души и повторяясь съ теченіемъ времени, образуютъ ту большую или меньшую молитвенную настроенность, которая, дай Богъ, чтобы сохранилась у всѣхъ и навсегда. Тоже впечатлѣніе и влияніе производилъ о. Илья и на прихожанъ—его духовныхъ чадъ. Они любили молиться за его служеніемъ, потому что видѣли образецъ молитвы—своего пастыря, а больше всего имъ нравилось то, что о. Илья усердно поминалъ покойниковъ, которыхъ такъ чтитъ нашъ русскій на-

родъ. Въ обхожденіи съ прихожанами онъ былъ незамѣнимъ своею ласкою и простотою: со всякимъ поговорить, каждаго разспросить объ его житьѣ-бытьѣ, объ его вуждахъ, горестяхъ и радостяхъ и въ нуждѣ поможетъ, въ горѣ посочувствуетъ и утѣшитъ, а въ радости порадуется вмѣстѣ съ нимъ, никого не обидитъ грубымъ или надменно-властнымъ начальническимъ словомъ, какого не раздавалось изъ его усть. Не даромъ прихожане говорятъ: „намъ такого батюшки не нажить“. Конечно, только по любви къ нему они собрались въ такомъ множествѣ на отпѣваніе его, чтобы во главѣ съ девятью іереями и другими священно-церковно-служителями, вмѣстѣ съ родственниками и знакомыми усопшаго и многими крестьянами изъ сосѣднихъ приходъ, уважавшими о. Илью, вознести горячія молитвы объ упокоеніи его души.

Вѣчная память дорогому и досточтимому батюшкѣ, новопреставленному іерею Или!

П. Л.
